

0-800616

На правах рукописи

Дубровин Алексей Владимирович

**КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ИЗМЕНЕНИЕ
МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ
(60-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.)**

Специальность 07.00. 02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Майкоп

2013

Диссертация выполнена на кафедре Отечественной истории,
историографии, теории и методологии истории
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Шеуджен Эмилия Аюбовна

Официальные оппоненты: Голованова Светлана Александровна
доктор исторических наук, доцент
ФГБОУ ВПО «Армавирская государственная
педагогическая академия»,
профессор кафедры истории России

Схатум Руслан Баричевич
кандидат исторических наук
ГБУК КК «Краснодарский государственный
историко-археологический музей-заповедник
им. Е.Д.Фелицына», научный сотрудник

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Южный
федеральный университет»

Защита состоится «31» мая 2013 г. в 12.00 на заседании Диссертационного
совета ДМ 212.001.08 по историческим наукам при Адыгейском
государственном университете по адресу: 385000, Республика Адыгея,
г.Майкоп, ул. Жуковского, 15, конференц-зал (ауд. 213).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Адыгейского
государственного университета.

Текст автореферата размещён на сайте ВАК РФ <http://vak.ed.gov.ru>
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет» www.adygnet.ru

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

Автореферат разослан «29» апреля 2013

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент



832221

В.Н. Мальцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследуемой проблемы. Процессы, происходящие в современном историческом знании, усиливают рефлексию научного сообщества по поводу традиционности исследовательской проблематики, однотипности привлекаемых источников, методов и приемов их анализа. Все более осознается необходимость перемещения исследовательского внимания в сферу, связанную с существенными характеристиками человека как социально-культурного объекта.

В этом контексте особую значимость приобретает изучение ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, проявления особых поведенческих стереотипов, обусловленных экстремальным характером происходивших событий. Именно через оценку их деятельности, воззрений, морально-нравственного и эмоционального состояния, используя достижения таких научных дисциплин как социология, психология, антропология, возможно расширить существующие представления о таком сложном, многоплановом событии как война на Кавказе, принципиально повлиявшем на изменение в ментальности ее участников.

Исследуемая проблема имеет и историографическую значимость. Для современного исторического знания определяющим стало стремление освоить новые исследовательские направления, расширив пространство познания прошлого. В российской историографии накопился опыт исследования традиционных проблем Кавказской войны, акцентации познавательных усилий на геополитических, военно-стратегических, социально-экономических вопросах, но при этом, явно недостаточно внимания уделялось «человеку войны», проблеме соотношения индивидуальности и исторической реальности, в которой действовали конкретные люди. Обращение к ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, позволяет внести новые характеристики в ее историю, более того, понять «человеческое лицо» войны, как одного из типических явлений всемирной истории.

Прагматическая значимость исследования, определяется необходимостью преодоления существующей тенденции деструктивной политизации исследований по Кавказской войне, приводящей к утрате научно-объективного подхода. Все более четко осознается, что широкое использование оценок морально-нравственного характера: «вина»; «ответственность», «геноцид», «истребление», без глубокого проникновения в смысл происходивших событий, неизбежно приводит к деформации не только научных представлений, но и массового исторического сознания. В этом смысле, анализ ментальных

особенностей российского офицерства способен кардинальным образом изменить существующие представления о Кавказской войне, позволит выработать научно обоснованные подходы к пониманию происходивших непростых, во многом болезненных событий.

Степень изученности проблемы. В ряду наиболее острых, дискуссионных проблем современной северокавказской истории особое место занимают события Кавказской войны. Несколько поколений ученых упорно стремилось осмыслить разные ракурсы этого сложного феномена отечественной истории: созданы сотни обобщающих работ, монографических исследований, научных статей, диссертаций. Тем не менее, современное состояние историографии свидетельствует о том что, несмотря на накопленный опыт, сохранились проблемы, требующие специального изучения. Так, до настоящего времени отсутствует опыт системного исследования ментальных особенностей российских офицеров, участвовавших в войне. Немногочисленные труды, затрагивавшие отдельные аспекты данной проблемы, не позволяют создать целостного представления об эмоциональном состоянии и моделях поведения участников войны.

Исходя из сложившегося положения, процесс развития отечественной историографии по данной проблеме можно условно разделить на три периода. Первый – так называемая классическая историография («имперская», «буржуазная», «дореволюционная»), охватывающий XIX – начало XX вв. основывался на позитивистском подходе, когда историки рассматривали войну как реализацию прогрессивной цивилизаторской миссии России, что неизбежно приводило к идеализации российского офицерства. Причем на протяжении первой половины XIX в., когда ход Кавказской войны складывался не в пользу «русского оружия», военно-политическая тематика находилась под негласным запретом цензуры, не допускавшей компрометации престижа государства.

Громкие победы конца 50-х – середины 60-х гг. XIX в. вызвали всплеск общественного интереса к историческим изысканиям, связанным с событиями на Кавказе. Война оказалась в центре внимания таких исследователей и участников войны как Р.А. Фадеев, Д.И. Романовский, В.А. Потто, С.С. Эсадзе¹, фактически заложивших основу историографии данной проблемы. Впервые в их работах нашли отражение сюжеты, связанные с ролью российского офицерского корпуса: в поле внимания оказались описания событий и наиболее

¹ Фадеев Р.А. Шестдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860; Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 году. СПб., 1860; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. СПб., 1887-1889; Эсадзе С.С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Историч. очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. Тифлис, 1914.

ярких личностей, а также характерные особенности войск, дислоцировавшихся на Кавказе.

Значимое место занимали персонифицированные исследования, посвященные выдающимся военным деятелям². Авторами большинства из них являлись участники и свидетели, происходивших событий. Однотипность структуры подобных работ, внимание, уделяемое описанию служебной деятельности, позволяют выявить общие и уникальные черты российского офицерства на Кавказе, выделить причинно-следственные связи между реальностью и особенностями личности.

Для второго – марксистского («советского») периода – 1917 – конец 1980-х гг. характерна выраженная политизация исторического знания. В трактовке причин и сущности Кавказской войны историкам приходилось балансировать между обвинениями в «буржуазном национализме» и «великодержавном шовинизме». От оценок войны, как «антифеодальной», историки переходили к признанию её «освободительного», «справедливого» характера, а затем к почти полному забвению темы и сосредоточению внимания на менее острых вопросах кавказской истории³.

Под влиянием официальной концепции «дружбы и сотрудничества народов советского многонационального государства» в центре внимания оказались темы, направленные на описание дружеских отношений между Россией и Кавказом⁴. При таком подходе в немногочисленных работах, посвященных проблемам Кавказской войны, российские офицеры представляли завоевателями, сознательно и последовательно поддерживающими колониальную политику Российской империи. В сложившихся условиях изучение офицерства оказалось в состоянии глубокого кризиса.

Третий – современный период, начавшийся с 1990-х гг. и продолжающейся до настоящего времени, совпадает с кардинальными изменениями теоретико-методологических оснований исторических

² [б.а.]. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб., 1863; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. Т.1-3. М., 1888-1891; Слепцов В.А. Один из кавказских героев // Исторический вестник. 1901. № 12. С. 950-969; Захарьин И.Н. (Якунин). Кавказ и его герои. Кн. 1. Святые, богатства и народы. СПб., 1902 и др.

³ Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л., 1939; Кровяков Н. Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. Грозный, 1941; Гаджиев В.Г. Антифеодальная и антиколониальная борьба народов Северного Кавказа с 1829 г. до Крымской войны // История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. 1917 г.) / Отв. ред. А. Нарочницкий. М., 1988. С. 184-218 и др.

⁴ Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957; Чекуменев С.А. Из истории меновой торговли с горскими народами Северного Кавказа в конце XVIII — первой половине XIX в. // История Карачаево-Черкесии. Вып. 6. Ставрополь, 1970. С. 272-298; Гриценко Н.П. Истоки дружбы (из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского, ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). Грозный, 1975 и др.

исследований. В сложившейся политической и интеллектуальной ситуации история Кавказской войны как бы открывается заново: публикуются монографические исследования⁵, появляются специальные работы по историографии⁶, разворачиваются научные дискуссии⁷.

Пониманию процессов, связанных с Кавказской войной, способствовало обращение историков к историографическим проблемам: выявлялись основные тенденции развития исторического знания, определялось влияние идеологии, анализировалась исследовательская проблематика, источники и методология, проводимых исследований, подводились итоги, намечались перспективы.

В ходе развернувшихся научных дискуссий проявлялись крайние позиции. Часть исследователей считает, что для народов Северного Кавказа был возможен самостоятельный путь развития: образование государственности у отдельных этнических групп, отмечая, что для этого были потенциальные предпосылки. Позиции других исследователей диаметрально противоположны: при всей трагичности Кавказской войны, утверждают они, именно она, вернее ее последствия, вывели народы Северного Кавказа из устойчивой, углубляющейся стагнации. Исходя из этих подходов варьируется морально-нравственная оценка офицерства, однако она в целом сводится к признанию их исполнителями имперских планов России.

Последовательное углубление в историю Кавказской войны все более расширяет исследовательское пространство этого многофакторного явления, внося принципиально значимые коррективы в сложившуюся

⁵Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамхала. Махачкала, 1991; Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60 годов XIX в. Владикавказ, 1992; Он же. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2002; Он же. Кавказ и великие державы, 1829-1864 гг.: политика, война, дипломатия. М., 2009; Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII - первая половина XIX в.). Армавир, 2011 и др.

⁶Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М., 2000. С. 225-250; С. 234-284; Денисова Н.Н. Колонизация Северо-Западного Кавказа: историографический аспект // Информационно-аналитический вестник. Вып. 6, 7. Майкоп, 2003. С. 184-195; Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20-50 годах XIX в.: наука в контексте политического процесса // Научная мысль Кавказа. 2003. №1. С. 50-64 и др.

⁷Думанов Х.М. К вопросу о периодизации Кавказской войны // Черкессия в XIX в.: Материалы I-го Кошхабльского форума «История – достояние народа». Майкоп, 1991. С. 37-41; Дзидзоев В. К вопросу оседления в современной печати народно-освободительной борьбы черкесов Кавказа в XIX веке: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24-26 окт. 1990 // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы Мухаджирства. Нальчик, 1994. С. 160-170; Куценко И.Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Кавказе // Черкессия. № 1. Черкесск, 2002. С. 113-138; Клычников Ю.Ю. К одному из вопросов итогов Майкопской конференции «Кавказская война: Уроки истории и современность» (2004) // Археология, этнография и краеведение Кубани. Армавир, Краснодар, 2005. С. 53-55; Лапин В. Кавказская война XVIII – XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. 2007. № 6. С.82-101; Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Исторические чтения / Ред. Э.А. Шеуджен. Майкоп, 2010 и др.

историографическую ситуацию. В частности, усиливается интерес к судьбам людей, участвовавших в войне, их психологическому состоянию. Настоятельной становится потребность отхода от «бледных абстрактных схем» и «воскрешение людей»⁸.

Таким «противоядием» стала история ментальностей: происходит осознание того, что во многом это новое направление исторической науки, способно раскрыть ранее малоизвестные, латентные пласты истории Кавказской войны. В исследованиях М.М. Блиева, Я.А. Гордина, В.В. Дегоева, В.В. Лапина⁹, несмотря на доминирование военно-политического подхода, намечилось стремление осмыслить войну через призму этнокультурных особенностей участников, понять их мысли и чувства. Открывая по-новому роль человека, влияние его личностных качеств на ход военных действий на Кавказе, они считают необходимым изучение с этих позиций настроений и моделей поведения не только выдающихся военачальников, но и простых офицеров и солдат.

Особое значение для осмысления избранной проблемы имеет монография В.В. Лапина, посвященная особенностям российской армии, участвовавшей в Кавказской войне¹⁰. В отдельном разделе, нацеленном на изучение командного состава, подчеркивается обособленный характер идентификационной системы офицеров «кавказцев», имеющих специфические материальные и мировоззренческие установки, не столь выраженные у остальных представителей российских военных, дислоцировавшихся в других регионах империи.

На новый уровень осмысления вышли персонифицированные исследования, посвященные наиболее известным военным деятелям Кавказской войны. Благодаря им расширился корпус источников, не менее значимо еще и то, что данная тема нашла отражение в специальных монографиях¹¹, научно-

⁸ История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / Сост. Е.М. Михина. М., 1996. С. 41.

⁹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Дегоев В.В. Три силуэта Кавказской войны: А.П.Ермолов, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский // Звезда. 2000. № 9. С. 138-163; Он же. Пасынки славы: человек с оружием в буднях Кавказской войны // Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе ... С. 205-232; Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. СПб., 2001. С. 108-125; Он же. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. / Сост: Я.А. Гордин, В.В. Лапин, Г.Г. Лисицына, Б.П.Миловидов. СПб., 2005; Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000; Он же. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб., 2008 и др.

¹⁰ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. СПб., 2008.

¹¹ Шишов А.В. Полководцы кавказских войн. М., 2003; Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007; Маркелов Н.В. Кавказские силуэты. Питягорск, 2008 и др.

популярных изданиях¹² и выносилась на обсуждение на научно-практических конференциях¹³.

Заслуживают внимание подходы к оценке Кавказской войны в исследованиях Э.А. Шеуджен¹⁴. Автор анализирует особенности отображения исторической реальности участниками войны, ее влияние на трансформацию исторической памяти народов. Особое внимание уделяется осмыслению источников личного происхождения, как основы для воспроизведения поставленных вопросов.

Заметным историографическим явлением последних десятилетий стало появление статей, посвященных мировоззренческим и поведенческим особенностям офицеров, принадлежащих к различным этнокультурным общностям¹⁵. Рост национального самосознания побудил северокавказских историков к изучению офицеров-«земляков», сыгравших важную роль в исторических процессах на Кавказе¹⁶. Работы региональных исследователей в наибольшей мере сумели отразить уникальные материальные особенности военного быта на Кавказе. Глубокое осмысление нашел анализ массовых заимствований различных аспектов культуры горцев – в оружии, одежде,

¹² Коломиец А. Александр Барятинский // Родина 1994. №3-4. С. 46-48; Кухарук С. Николай Евдокимов // Родина. 1994. №3-4. С. 62-64; Луночкин А., Михайлов А. Григорий Засс и Яков Бакланов // Родина. 1994. №3-4. С. 91-96; Экшгут С. Алексей Ермолов // Родина 1994. №3-4. С. 30-35; Он же. Николай Раевский // Родина. 1994. №3-4. С. 40; Виноградов В.Б. «Отступления со мной нет, не было и не будет...» (Генерал Г.Х. Засс) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М., 2000. С. 150-157; Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816-1827) // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М., 2000. С. 72-83; Мальцев В.Н. И.В. Гудович на Кавказе // Диалоги с прошлым: Исторический журнал / Отв. ред. Р.А. Тлепкок. Майкоп, 2012. №7. С. 69-74 и др.

¹³ Плаксина О.А. Образ генерала Г.Х. Засса в романе Хамар-Дабакова «Проделки на Кавказе» // Историческое регионоведение – вузу и школе: Материалы пятой региональной научно-практической конференции. Славянск-на-Кубани, 1997. С. 52-53; Муханов В.М. Кавказская война через призму персональной истории генерала Н.И.Евдокимова // Российское общество: Историческая память и социальные реалии. Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения-2008. 2008. С. 183-185 и др.

¹⁴ Шеуджен Э.А. Кавказская война в пространстве исторической памяти. К 145-летию окончания Кавказской войны. Майкоп, 2009; Она же. Кавказская война: трудные пути памяти // Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва-Майкоп, 2010. С. 91-127.

¹⁵ Самойлова С.В. Европейец на Кавказе // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995. №4. С. 45-56; Олейников Д.И. Человек на разломе культур (Особенности психологии русского офицера-горца в период Большой Кавказской войны) // Звезда. 2001. №8. С. 95-99; Лукирский А.Н. «Русские» полки в восприятии кавказских войск // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2006. С. 249-256; Саблин Д.В. В плену иллюзий: образы Кавказа и горцев в русском общественном сознании XIX в. // Военно-историческая антропология... М., 2006. С. 53-72 и др.

¹⁶ Мальцев В.Н. Источники о воинских формированиях западных адыгов на Русской службе в годы Кавказской войны // Вопросы теории и методологии истории: сборник научных трудов. Выпуск 4. Майкоп. 2003. С. 136-143; Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры середина XVI – начало XX вв. Нальчик, 2009 и др.

снаряжении, и, что особо примечательно, в духовной сфере – обычаях, традициях, нормах морали, моделях военной и бытовой жизнедеятельности¹⁷.

Созданы и первые диссертационные исследования, посвященные анализу отдельных проблем российского офицерства на Кавказе: материальным аспектам военно-бытовой повседневности, психологии комбатантов, оценке Кавказской войны современниками¹⁸.

Учитывая характер исследуемой проблемы, в особую группу могут быть выделены работы по истории ментальностей, принадлежащие зарубежным (М.Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф и др.)¹⁹ и российским (А.Я.Гуревич, М.Ю. Лотман, Л.Н. Пушкирев и др.)²⁰ историкам, позволившие освоить основные концептуальные подходы и имеющийся опыт разработки аналогичной тематики при изучении других социальных групп. Полезными были работы, посвященные проблемам военной психологии (В.Е. Попов, Е.С. и А.С. Сенявские, Р.В. Кадыров, и др.)²¹, благодаря которым удалось более

¹⁷ Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Униформология и оружиеведение в кавказском контексте: Отдельный Кавказский корпус (1801-1857) // Историческое регионоведение – вузу и школе: Материалы пятой региональной научно-практической конференции. Славянск-на-Кубани, 1997. С. 54-57; Дмитриев В.А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия» ... С. 58-68; Иващенко А.С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в Кавказской войне 1817-1864 гг. // Информационно-аналитический вестник. Вып. 4. Майкоп, 2001. С. 186-199; Скиба К.В. Вооружение полков армейские пехоты, неспших служб на Кубанской линии в начале XIX в. // Археология, этнография и краеведение Кубани. Материалы 12 всероссийской международной конференции. Краснодар, 2004. С. 38-39 и др.

¹⁸ Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 гг. в оценке современников: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Челябинск, 2004; Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ставрополь, 2005; Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатантства: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Краснодар, 2005 и др.

¹⁹ Февр Л. Бон за историну / Пер. с фр. А.А. Бобовича и др. М., 1991; Блок М. Апология истории или ремесло историка / Пер. с фр. Е.М. Лысенко. М., 1986; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. [в 3-х т.]. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля. М., 1986; Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / Пер. с фр. под общ. ред. С.К.Чатурова. М., 2001; Дюби Ж. История ментальностей // История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / Пер. с фр. и сост. Е.М. Михина. М., 1996. С. 18-21 и др.

²⁰ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; Он же. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С.75-89; Он же. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994; Пушкирев Л.Н. Что такое менталитет?: историографические заметки // Отечественная история. 1995. №3. С. 158-166; Он же. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 319-333 и др.

²¹ Попов В.Е. Психологическая реабилитация военнослужащих после экстремальных воздействий (на материале землетрясения в Ленинскане, международного конфликта в Фергане и боевых действиях в Афганистане): дис. ... канд. психол. наук 19.00.05. М., 1992; Сенявский А.С. Психологическая регуляция и подготовка воинов в различных исторических и этнокультурных условиях // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 50-65; Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006;

обстоятельно осмыслить изменения в эмоциональной сфере, связанные с условиями войны.

Проведенный историографический анализ свидетельствует о том, что на всем протяжении развития отечественной историографии Кавказской войны, отдельные проблемы, связанные с изучением ментальности российских офицеров, участвовавших в войне, привлекали исследовательское внимание, но так и не стали предметом специального изучения. Это позволяет ставить вопрос о своевременности и необходимости ее системного изучения на основе накопленного исследовательского опыта.

Объектом исследования является Кавказская война, как принципиально значимое событие российской истории, и участие в ней российского офицерского корпуса.

Предметом исследования стала ментальность российских офицеров, процесс ее модификации в ходе Кавказской войны под воздействием исторических реалий (начало 60-х гг. XVIII в. – середина 60-х гг. XIX в.).

Территориальные границы включают Кавказ, пространство дислокации регулярных российских войск Отдельного Кавказского корпуса. В данном исследовании наименование Кавказский корпус распространено на все вариации территориальных воинских формирований российской армии, участвовавших в Кавказской войне.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 60-х гг. XVIII в. и до середины 60-х гг. XIX в., что соответствует периоду активных боевых действий, осуществляемых российскими войсками на Кавказе. Начало хронологии относится к началу строительства крепостей и укреплений на сопредельной территории России и Кавказа (Азово-Моздокская линия и укрепления вдоль Терека), сопровождавшимся пропорциональным увеличением численности воинского контингента в регионе. Конечная дата соотносится с официальным завершением Кавказской войны в 1864 г.

Целью работы является системное исследование процесса модификации ментальных характеристик российских офицеров, сформированных и получивших развитие в исторической среде, обусловленной особенностями Кавказской войны.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- проанализировать степень историографической разработанности исследуемых проблем и определить круг вопросов, нуждающихся в дальнейшем изучении;

- провести анализ сформированной источниковой базы, выделив в общепринятой классификации наиболее информативно-значимые виды, в наибольшей степени позволяющие провести реконструкцию ментальных черт российских офицеров;

- осмыслить основные концептуальные подходы, применяемые для выявления ментальных особенностей военных и специфики их жизнедеятельности в боевых условиях;

- реконструировать совокупность факторов исторической реальности, оказывающих наибольшее влияние на формирование ментальных характеристик офицерства;

- выявить специфику и внутреннюю дифференциацию российского офицерства, как особой социальной группы, их влияние на модификацию ментальности;

- определить ментальные особенности офицеров, в наибольшей степени характеризовавшие их военно-профессиональные особенности и исследовать повседневную жизнь, как следствие адаптации к экстремальным условиям войны на Кавказе.

Источниковая база. Характер исследуемой проблемы, ее ориентированность на ментальные процессы, потребовали особого подхода к формированию источниковой базы, в основу которой были положены источники личного происхождения, созданные непосредственно участниками Кавказской войны. В современном источниковедении данные свидетельства считаются наиболее информативными при индивидуальной фиксации общественно значимых событий²². Источники подобного вида способны восстановить атмосферу эпохи, передать свидетельства по широкому комплексу наблюдений, впечатлений, рассуждений. Кроме того, они содержат важные детали, которые отсутствовали или искажались в официальных документах или средствах массовой информации, способствуя раскрытию латентных пластов восприятия исторической реальности²³.

Комплекс источников личного происхождения, непосредственно связанный с Кавказской войной, условно можно разделить на несколько групп: «мемуары», представленные «воспоминаниями», «записками» и «заметками», воспроизводящие в свободном стиле переживания и мысли авторов о происходивших событиях; «интервью-рассказы», собранные у участников событий писателями и журналистами; «дневники», фиксирующие события в

²² Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский и др. М., 1998. С. 472.

²³ Пушкарев Л.Н. Источники по изучению менталитета ... С. 319-333 и др.

строгой хронологической последовательности; «межличностная переписка». К числу источников данного вида были отнесены стихи, повести, рассказы участников событий, в литературной форме отразившие восприятие исторической реальности.

Важно подчеркнуть, что в диссертационном исследовании привлекались источники, охватывающие основные категории офицеров на различных этапах войны. Использовались также рассказы, оставленные простыми солдатами, путешественниками и иностранцами, сражавшимися на стороне горцев. В диссертационной работе были привлечены источники, созданные более 90 авторами²⁴.

В целях адекватной интерпретации данного вида источников был проведен критический анализ: выявлялось социальное происхождение авторов, уровень их образования и степень «погруженности в войну», причины службы на Кавказе, возможного увольнения, а также примечательные факты из служебной и личной жизни. Кроме того, выделялись: мотивация авторов, информативная значимость источника, степень редакции, особенности публикации, определялся стиль написания работы.

Важно отметить, что, несмотря на объем и разнообразие источников личного происхождения, проанализированных в данной работе, их значимость и информативность, учитывая присущий им субъективизм многих оценок, возникла настоятельная потребность привлечения источников других видов: законодательных актов, делопроизводственной документации, статистических источников, извлеченных из архивных коллекций, тематических сборников.

Законодательные акты позволили осмыслить существовавшее в Российской империи отношение к армии как важнейшей государственной структуре, понять систему управления и регламентирования практически всех

²⁴ Бестужев-Марлинский А.А. Письма // Трудные годы: Декабристы на Кавказе / Сост. В.А. Михельсон. Краснодар, 1985. С. 132-169; Воронов Н. Черноморские письма // Русский вестник. 1857. № 1. С. 71-74; № 2. С. 87-94; № 3. С. 180-186; Державин А.В. Рассказ бывшего унтер-офицера Апшеронского полка Самойлы Рябова о своей боевой службе на Кавказе // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия»... С. 341-356; Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1840-1846. Часть I-II. СПб., 1902-1903; Костенецкий Я. Записки об Аварской экспедиции на Кавказе 1837 года. СПб., 1851; Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских / Пер. В.К. Гарданова. Нальчик, 1995; Лукомский Д. Дневник. 1850 // Звезда. 1998. № 7. С. 137-158; Полторацкий В.А. Воспоминания // Исторический вестник. 1893. № 1. С. 39-86, № 2. С. 367-410, № 4. С. 72-89, № 5. С. 355-372; Рукевич А.Ф. Из воспоминаний старого эриванца // Исторический вестник. 1914. № 8. С. 414-428; № 9. С. 789-810; № 10. С. 39-52; № 11. С. 400-415; № 12. С. 766-791; Симановский Н.В. Дневник. 2 апреля – октября 1837 г., Кавказ // Звезда. 1999. № 9. С. 184-216; Стреллок Н.Н. Из дневника старого кавказца // Военный сборник. 1870. № 11. С. 189-242; Толстой В.С. Биографии разных лиц при которых мне приходилось служить или близко знать / Российская государственная библиотека Ф. 178. № 4629(а). Л. 1-36 об. // Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). М., 2000. С. 111-149; Филлипсон Г.И. Воспоминания. 1837-1847 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 76-197 и др.

сфер жизнедеятельности, в первую очередь, взаимодействие между ведомствами, военнослужащими, командирами и подчиненными²⁵.

Не меньшее значение имеют материалы делопроизводства: приказы, высочайшие повеления, замечания, записки, отношения, предписания, именные указы, рапорты, извлеченные из тематических сборников²⁶. Данная категория источников объединяет разнообразные документы, характеризующие различные стороны исследуемой проблемы. Помимо юридической регламентации деятельности офицеров они раскрывают многие, в том числе и неофициальные, особенности характера службы, специфику боевых действий, содержат описания военно-бытовых аспектов жизни офицеров.

Значимый объем делопроизводственной документации был извлечен из фондов Государственного архива Краснодарского края, большинство из

²⁵ Военной устав с Артикулом военным, при котором приложены толкования, также с кратким содержанием процессов, эскерципиею, церемониями, и должностями полковых чинов. СПб., 1748; Награды и преимущества при отставке офицеров [извлечение из Свода Военных Постановлений. Часть II. Книга II, ст. 469-479] // Карманная справочная книжка для русских офицеров / ред. Д.А. Милютин. СПб., 1856. С. 136; Порядок ревизии военно-судных дел, степень власти в решении этих дел и исполнение приговоров [извлечение из Свода Военных Постановлений. Часть V. Книга II, ст. 579-313] // Карманная справочная книжка ... С. 271-272; Производство в первый офицерский чин [извлечение из Свода Военных Постановлений. Часть II. Книга I, ст. 503-572, приказ военного министра. 1851 г. №53, 1853 г. № 61 и 96] // Карманная справочная книжка ... С. 82-86; Роды наказаний по военно-уголовному уставу [извлечение из Свода Военных Постановлений. Часть V. Книга I] // Карманная справочная книжка ... С. 268-271 и др.

²⁶ Приказ генерал-лейтенанта П.Х. Граббе по войскам левого фланга, от 16 мая 1839 г. №8 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. 9. Ч. II. Тифлис, 1884. С. 241; Приказ генерал-лейтенанта маркиза Ф.О. Пауллуччи от 11 октября 1810 г. // Берже А.П. Командиры Кавказской армии в их приказах. 1804-1828 // Русская старина. 1886. № 5. С. 372; Приказ майора [б.и.] Мызникова от 19-го января 1844 г. // Берже А.П. Указ. соч. С. 382; Приказ Н.Н. Раевского по Черноморской Береговой линии, от 16 декабря 1840 г. № 15 // Архив Раевских / Изд. П.М. Раевского; ред. Б.Л. Модзалевского. Т. III. СПб., 1910. С. 586-591; Высочайшее повеление генералу А.П. Ермолову, от 19-го апреля 1819 года // АКАК. Т. 6. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 487-489; Замечания на письмо Главнокомандующего действующей армии к военному министру от 27 июля 1832г. №67 // Кавказский сборник. Т. 7. Тифлис, 1893. С. 78-144; Записка командира Отдельного Грузинского корпуса генерал-лейтенанта А.П. Ермолова об управлении Кавказом, 1816 г. / Российский государственный исторический архив Ф. 1286. Оп. 2. 1816 г. Д. 15. Л. 1-12 // Кавказ и Российская империя ... С. 261-264; Записка по поводу необходимости покорения Кавказа с изложением способов к достижению этой цели // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2327. Л. 1-6 // Кавказ и Российская империя ... С. 153-156; Отношение командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии графа И.Ф. Паскевича к вице-канцлеру графу К.В. Нессельроде, 13 сентября 1828 г. № 638 // Кавказ и Российская ... С. 271-279; Секретное предписание командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии А.П.Ермолова генерал-майору Н.И.Лаптеву от 1 мая 1826 года. № 895 // АКАК. Т. 6. Ч. II. Тифлис, 1875. С. 509-511; Указ Именной, объявленный Его Императорскому Высочеству Главному Начальнику Пажеского и всех Сухопутных Кадетских Корпусов, Военным Министром 19 декабря 1834 г. О присылке в Кадетские Корпуса детей почетных Мусульман Кавказского края // Ислам в Российской империи ... С. 111; Рапорт генерала А.И. Нейнгарда князю А.И. Чернышеву от 1 августа 1843 года, №1391. (№627) // АКАК. Т. 9. Ч. II. Тифлис, 1884. С. 744-747; Рапорт генерала Е.А. Головина князю А.И. Чернышеву от 15 декабря 1838 года. № 2161 // АКАК. Т. 9. Ч. II. Тифлис, 1884. С. 227-236; Копия с рапорта Господину Военному Министру Начальника Черноморской Береговой линии генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского, от 18 декабря 1840 г. № 236 // Архив Раевских... С. 599-618 и др.

которых не было опубликовано²⁷. Особую ценность из извлеченных материалов представляют формулярные списки и документы, раскрывающие биографии офицеров; журналы военных действий.

Особый корпус источников составляют так называемые «полковые истории», представляющие собой пространные документированные летописи боевых подразделений, авторами большинства которых были военные историки, служившие в соответствующих подразделениях²⁸. Описание событий подкреплялось внушительными приложениями: делопроизводственная документация, формулярные списки, статистические данные, выдержки из воспоминаний, тексты полковых песен, стихов и иного литературно-художественного творчества, иллюстрации военно-бытовой повседневности. Основной упор делался на характеристике полковых командиров, как создателей «духа полка». Во многих полковых историях приводятся примечательные факты их боевой деятельности, описывается стиль руководства и даже некоторые оригинальные привычки.

Проведенный анализ источников по проблемам Кавказской войны, дает представление об их видовом разнообразии и информативной отдаче. При этом четко осознавалось, что основной массив документальных свидетельств составили источники личного происхождения, что актуализировало задачу «исправить отклонения памяти», сопоставив вызывающие сомнения утверждения участников и свидетелей Кавказской войны с другими историческими свидетельствами.

Методологическая основа диссертационной работы формировалась на основе принятых в современной исторической науке принципов и методов. Основополагающими стали принципы *объективности, историзма и системности*. Принцип *объективности* обусловил потребность в привлечении широкого круга источников адекватно отражающих процесс изменений

²⁷ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 260. Канцелярия начальника Черноморской береговой линии. 1839-1865 гг. Оп. 1. Д. 935, 936, 963, 993, 1063, 1066, 1072, 1128, 1244, 1498, 1500, 1503, 2590; Ф. 261. Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии Черноморского казачьего войска. 1794-1861 гг. Оп. 1. Д. 546, 2017; Ф. 263. Канцелярия воинских начальников укреплений и постов Черноморской кордонной линии. Укрепление Абинское. 1835-1854 гг. Оп. 1. Д. 4; Ф. 347. Штаб начальника Лабинской кордонной линии против правого фланга Кавказской линии. Оп. 1. Д. 1, 2, 7, 9, 15-19, 25, 27, 31.

²⁸ Арутюнов Ф. Гомборцы. История 1-го Кавказского Стрелкового Императорского Величества Великого Князя Михаила Николаевича батальона. СПб., 1898; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726-1880). Т. 1-2. СПб., 1881; Игнатович [б.и.]. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского Его Императорского Величества Великого Князя Николая Михайловича полка во время Кавказской войны. 1845-1861 гг. Тифлис, 1897; Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского Его Императорского Величества Великого Князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865; Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. Т. 4-8. СПб., 1894-1895; Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Правый фланг, Персия, Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900 и др.

ментальных особенностей, характерных для российского офицерства, участвовавшего в Кавказской войне. Использование принципа *историзма* позволило изучить ментальность офицеров в генезисе, в контексте эволюции войны и их личных представлений о происходивших на Кавказе событиях. Учитывая сложность и многофакторность предмета истории ментальностей целесообразным стало применение принципа *системности*, что позволило рассмотреть проблему через совокупность отдельных тесно взаимосвязанных элементов. При разработке исследуемой проблемы весьма эффективным оказался *социально-культурный подход*, получивший применение в исторических работах благодаря идеям Ю.М. Лотмана и А.Я. Гуревича. Его главная особенность заключается в универсализме, позволяющем обозреть культурные, политические, хозяйственные, бытовые и прочие элементы целого, непосредственно влияющие на формирование факторов ментальных изменений.

В работе широкое применение получило использование общенаучных и специально-исторических методов: *конкретного анализа*, ориентированного на исследование текстов личного происхождения, с учетом условий их возникновения, проблемы авторства, адресации, стилистики; *проблемно-хронологического*, позволившего сформулировать вопросы, и исследовать их в последовательности; *историко-типологического*, с учетом требований которого была приведена аналитическая работа, позволившая выделить признаки, характерные для разных групп офицеров (социальное происхождение, уровень образования, род войск, степень участия в войне); *ретроспективного (возвратного)*, обусловившего использование современных приемов источниковедческого анализа при работе с источниками. Особое значение имело применение *историко-сравнительного метода*, позволившего проводить сопоставления, выявлять общее и особенное, устанавливать параллели и противоречия между различными аспектами проблемы.

Учитывая характер исследуемой проблемы при анализе источников и обобщении полученных результатов учитывались некоторые подходы, применяемые в смежных дисциплинах: исторической психологии, социологии и лингвистики. Важнейшим среди них является метод *психологической реконструкции*, направленный на воссоздание определенных исторических типов поведения, мышления, восприятия. Приемы *психологического* анализа, примененные к источникам личного происхождения, а также литературно-художественному творчеству офицеров, сформировали представление об эмоциональном состоянии, культурном уровне офицеров. *Стратификационный подход*, применяемый в социологии позволил дифференцировать различные категории офицеров, определить их сходства и отличительные черты. Работа с

текстовыми источниками предопределила использование методов лингвистического анализа, в частности, контент-анализ, позволивший по количественным характеристикам текста на уровне словосочетаний определить ментальные особенности.

В целом благодаря синтезу общенаучных, специально-исторических и междисциплинарных методов на уровне критического анализа источников удалось выработать научные подходы к исследованию такого сложного феномена исторической реальности как ментальность российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне.

Новизна диссертационного исследования состоит в переносе исследовательского внимания с традиционных проблем изучения Кавказской войны (геополитические, военно-стратегические, социально-экономические) в область ментальных характеристик российского офицерства. А именно:

- проведенный историографический анализ позволил выделить круг проблем, впервые ставших предметом системного исследования (влияние среды на ментальность российских офицеров, выделение особых мировоззренческих установок, ценностных ориентиров, норм и моделей поведения);

- был обработан широкий комплекс источников, в ходе анализа которого было установлено, что в ряду традиционных видов (законодательные акты, делопроизводственная документация, статистические материалы), при исследовании ментальных характеристик первостепенную значимость имеют источники личного происхождения, отражающие историческую реальность непосредственно участниками;

- осмыслены взаимосвязь среды и формирования ментальности как основополагающей идеи концептуального подхода; комплексно изучены факторы исторической реальности, повлиявшие на ментальность российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне: социальный статус офицерства, его дифференциация и другие особенности, характер войны, влияния отношения российского общества к событиям на Кавказе и в целом природно-географические и этнографические особенности региона;

- впервые Кавказская война изучается как комплексная система природно-географических, геополитических, военно-стратегических, социальных, этнографических и других факторов, повлиявших на изменение ментальности российских офицеров;

- проведен анализ целостной идентификации российского офицерства, дифференцированного на ряд категорий по социально-сословной, национально-религиозно-культурной принадлежности, роду деятельности, социально-

политическими воззрениям, а также степенью адаптации к специфическим условиям жизнедеятельности на Кавказе;

- систематизации и интерпретации подверглась комплексная система моделей поведения, были выявлены основные детерминирующие мировоззренческие установки, образы мышления, воспроизведена эмоциональная культура и военно-бытовая повседневность российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования полученных результатов при создании обобщающих работ и монографии по истории российского офицерского корпуса и Кавказской войны. Результаты исследования способны создать основу для разработки специальных курсов по истории северокавказского региона.

Диссертация прошла **апробацию** на кафедре Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета; основные положения и выводы диссертации были опубликованы в научных статьях и нашли отражение в сообщениях и выступлениях на научных конференциях различного уровня: «Исторические и социально-экономические проблемы Юга России». Региональная научно-практическая конференция. (Азов, 2010); «Перспектива-2010», «Перспектива-2011». Международные научные конференции. (Нальчик, 2010, 2011); «Наука. Образование. Молодежь». Международные научные конференции. (Майкоп, 2011, 2012); «Письменные источники: маркеры памяти исторического прошлого народов». Научно-практический семинар. (Майкоп, 2011).

Структура диссертации определена ее целью, задачами и состоит из введения, трех глав, семи параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, выявляется степень изученности проблемы, определяются объект и предмет исследования, территориальные границы и хронологические рамки, формулируются цель и задачи исследования, описывается источниковая база, излагаются методологические принципы, раскрывается научная новизна, представлена апробация и структура диссертации, ее практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретико-методологические проблемы изучения ментальности российского офицерства на Кавказе» проводится анализ

теоретически значимых подходов к изучению избранной проблемы, анализируются факторы, определявшие состояние ментальности российского офицерства, участвовавшего в Кавказской войне.

Первый параграф «Основные подходы к изучению ментальностей» посвящен анализу теоретических подходов определивших смысл и направленность развития истории ментальностей. Благодаря идеям основателей школы «Анналов» Л. Февру и М. Блоку был осуществлен поворот исторической науки от исследования социально-экономических отношений к анализу духовной жизни. Свой вклад в историю ментальностей внесли отечественные исследователи (А.Я. Гуревич, М.Ю. Лотман, Л.Н. Пушкарев и др.). По их мнению «ментальность» представляет совокупности сознательных и бессознательных представлений, воззрений, «чувствований» людей определенной эпохи, которые влияют на исторические и социально-культурные процессы. На основе данных подходов были сформулированы «рабочая область» и «рамки» понятий, применимых для исследования проблем, решаемых в диссертационной работе.

Для разработки поставленных в диссертации вопросов полезными были психологические концепции (К. Юнг, Э. Фромм, З. Фрейд и др.), позволившие более осмысленно понять «человека на войне», определить особенности выживания в экстремальных ситуациях. В результате удалось выделить основные характеристические особенности военных, определить наиболее важные факторы среды, трансформировавшие их сознание, поставить проблему диалектических противоречий в поведении людей, находящихся в экстремальных условиях.

Война представляет собой наивысшее испытание сил и возможностей человека, являясь «крайней степенью применения насилия». Во время войны на человека воздействует целый ряд специфических факторов («боевых стрессоров»), оказывающих максимальное воздействие на ментальность людей, что приводит к радикальной трансформации представлений о нормах морали и поведения. В данном контексте особое значение приобрело исследование взаимовлияния мировоззренческих установок и моделей поведения российских офицеров в экстремальных условиях войны: идентификация в социальном пространстве; восприятие боевой обстановки; понимание соотношения индивида и коллектива; критерии ценностей и многое другое.

При этом учитывалось, что ментальные установки имеют весьма сложную мировоззренческую основу и в большой степени подвержены адаптивным изменениям, так как преимущественно отражаются в особенностях повседневного существования: в жилищных условиях, в питании, в гигиене, в

физическом самочувствии. В итоге данные категории бытовой культуры стали основой для воссоздания «нематериальной» сферы человеческого бытия, что позволило более обстоятельно реконструировать эмоциональную и духовную жизнь, выявить «личностные» пласты жизни российского офицерства.

Учитывая особенности среды, формировавшей ментальность офицерского корпуса на Кавказе, в диссертации условно выделены два уровня. Первый – «базовый» – представляет собой совокупность ментальных установок свойственных в целом российским офицерам. Второй – «надстроечный» – отражает специфические особенности, сформировавшиеся под воздействием адаптации к Кавказской войне.

При изучении ментальности необходимо было учитывать динамичность феномена, способность модифицироваться в зависимости от происходивших изменений. Причем генезис ментальности может проявляться одновременно в нескольких направлениях: одни элементы отмирают, а их место занимают другие, более приспособленные к новым условиям жизнедеятельности. Заметное ускорение происходит под воздействием экстремальных условий, в частности для офицерского состава таковыми являлись изменение среды обитания, «боевое крещение», ранение. Показателем завершенности «кавказской» модификации ментальности российского офицерства можно считать факт признания новых для них условий обыденными.

В целом, проведенный обзор опыта изучения проблем ментальности позволил сформулировать теоретические подходы к пониманию предмета исследования. Исходя из сложившихся представлений о структуре ментальности, были выделены наиболее характерные элементы, требующие детального анализа.

Второй параграф «Факторы, определявшие ментальность российского офицерства» позволил выделить факторы, в наибольшей степени, влиявшие на изменение ментальности офицеров: ландшафтно-климатические особенности; геополитическое соперничество великих держав (России, Турции, Персии, Англии) за влияние в регионе; нетрадиционные для европейских войн методы ведения боевых действий, их перманентный характер; этнокультурные особенности горцев; противоречия, существовавшие в российском обществе относительно событий на Кавказе.

Проведенное исследование свидетельствует, что ментальное состояние офицерства как социальной группы определялось военно-профессиональными особенностями, наличием специальной подготовки, подкрепленной иерархией званий и должностей. Важно было осознать, что офицеры представляли сложный конгломерат, состоящий из представителей различных должностных

(«боевые», «штабные», «тыловые»); сословных (аристократические элементы, выслужившиеся солдаты); национальных (русские, немцы, поляки, «азиатцы», иностранцы) групп; также существовали категории, выделявшиеся морально-политическими (либералы, консерваторы) и религиозными (православные, католики, протестанты, мусульмане) воззрениями. Уникальной категорией, существовавшей исключительно на Кавказе, являлись так называемые «кавказцы» – ветераны Кавказского корпуса, сумевшие более остальных адаптироваться к местным условиям. Отпечаток на дифференциацию офицеров Кавказского корпуса накладывала система его комплектования. Помимо кадровых здесь имелись временно присылаемые офицеры из других областей России. Большую их часть составляли молодые выпускники военных заведений, отправляемые на годичный срок для получения боевого опыта, а также добровольцы, желающие принять участие в военных акциях.

На изменение ментальности офицеров влияли причины их службы на Кавказе (карьерный рост, стремление к славе, возможность спастись от формализма и муштры, ссылка), а также особенности характера и психологии (потребность в приключениях, поэтическая романтика, интерес к восточной экзотике).

Изучение ментальности российского офицерства в проведенном исследовании соотнесено с процессом развития Кавказской войны. Во второй половине XVIII в. зарождались уникальные «кавказские» особенности (происходило осознание нетрадиционности войны, возникала потребность приспособления к ней). В первой четверти XIX в. более явственно проявлялось формирование особой «кавказской» ментальности (укрепление «боевого братства», восприятие «особости» противника, изменение тактического мышления, методов ведения боевых действий). В последующие годы (середина 20-х гг. – середина 60-х гг. XIX в.) изменения ментальности приобрели устойчивый характер, что в конечном итоге обусловило повышение боеспособности офицеров и привело к победе в войне.

Исследованные в работе факторы, определившие ментальность российских офицеров, представляли взаимосвязанную систему, изменяющуюся под влиянием характера, этапов и событий Кавказской войны.

Вторая глава «Военно-профессиональная деятельность российского офицерства на Кавказе: ментальные особенности» посвящена характеристике ментальных оснований и особенностей в наибольшей степени, характеризующих служебную сферу деятельности офицеров.

В первом параграфе «Самоиентификация российского офицерства» исследуется восприятие офицерами Кавказского корпуса своего места в

социально-культурном пространстве. В этом смысле ментальность предстает как интегральная характеристика офицеров, связанных общностью целей, наличием отличительных признаков, способом существования.

Анализ широкого корпуса источников личного происхождения и официальной документации позволяет утверждать, что офицеры Кавказского корпуса ощущали себя частью российской имперской системы, отстаивающей ее интересы в Кавказском регионе. В то же время под воздействием условий Кавказской войны происходило осознание своей «особости», нашедшее отражение в понятии «кавказец», включавшее в себя высокий уровень адаптации к кавказским условиям, боевое сплочение, храбрость и опыт местной войны, наличие неофициального ритуала инициации.

Важной частью коллективной идентификации офицеров являлась принадлежность к полку, так называемое «полковое сознание». Представители Куринского полка называли себя «куринцами», Навагинского – «навагинцами», Ширванского – «ширванцами» и т.д. «Кавказский полк, – как подметил Р.А.Фадеев, – не «численное собрание людей», а «организм, нечто вроде маленькой национальности, проникнутой одним духом»²⁹. Полки, «сроднявшиеся» с местом дислокации, имели строгую иерархию престижности, определяемую храбростью коллектива, количеством славных страниц в их боевых летописях.

На самосознание офицеров откладывали отпечаток социальное происхождение, сословная, национальная и конфессиональная принадлежность. Наиболее яркими группами являлись: «заносчивые» аристократы, старавшиеся подчеркнуть свое высокое происхождение; выслужившиеся солдаты, стремившиеся соответствовать новому социальному статусу; представители местных народов («азиатцы»), в наибольшей степени сохранявшие национальную индивидуальность; необрусевшие немцы, более остальных проявлявшие чувство национального превосходства; поляки, пользовавшиеся недоверием начальства. Религиозная дифференциация имела формальный характер. Важно отметить, что взаимоотношения в среде боевых офицеров строились в первую очередь исходя из личностных качеств.

Характер Кавказской войны заметно повлиял на восприятие офицерами своей роли в боевом коллективе. На Кавказе офицер к солдату стоял несравненно ближе, чем в России: в экспедициях они вместе страдали от холода, голода, бок о бок сражались в рукопашных схватках. В результате они воспринимались как «боевые вожди», возглавлявшие колонны на марше,

²⁹ Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2005. С. 220-221.

шедшие впереди атакующих. Кроме того, офицеры преодолевали многие сословные предрассудки. Однако нельзя исключать, что немало офицеров являлось сторонниками прусской «палочной» дисциплины.

Исследование выявило качественные изменения в самосознании офицеров: модифицировались морально-нравственные представления, нивелировались национальные и сословные предрассудки, возникали новые поведенческие стереотипы, связанные с такими понятиями как «кавказец», «полковое сознание», «боевое братство».

Второй параграф «Восприятие боевой обстановки: модели поведения» ориентирован на выявление отношения офицеров к экстремальным ситуациям военного времени. Восприятие боевой обстановки осмысливается автором диссертации, как процесс изменений моделей поведения, обусловленный восприятием Кавказской войны, мировоззренческими установками и личностными качествами офицеров, их индивидуальным и коллективным опытом, степенью «погруженности» в войну.

Офицеры, участвовавшие в боевых действиях, проходили тяжелый процесс адаптации к экстремальным условиям жизнедеятельности, что не могло не влиять на формирование особого типа ментальности, нашедшее яркое отражение в деформации сознания ветеранов Кавказского корпуса: они теряли чувство экстремальности, война становилась обыденностью. «Кавказцы» отличались особым отношением к опасности, ожесточением, самопожертвованием. Модифицировались многие ценностные ориентации: жизнь теряла значимость, на первое место выходила доблесть, товарищество. Критерием оценки моделей поведения в бою служили категории «храбрость» и «трусость», интерпретировавшиеся исходя из конкретной обстановки.

По мере развития боевых действий происходило изменение традиционных моделей поведения: признавалась особенность войны на Кавказе, ее «неевропейский» характер; изменялись военно-стратегические приемы ведения войны. В документах стали фигурировать такие жесткие методы как «отбитие скота», «разорение аулов», «вытапывание полей». У многих офицеров подобные факты, противоречащие кодексу чести, вызывали негодование. В процессе приспособления к особому характеру противоборства изменялось военно-тактическое поведение офицеров: повышалась инициативность, самостоятельность, гибкость принимаемых решений; избегались «шаблоны» ведения европейских войн.

В ходе адаптации вырабатывались модели поведения офицеров непосредственно в бою, который воспринимался как кульминационная часть военного ремесла: испытание не только себя, но боевого коллектива. В бою

«кавказцы» стремились продемонстрировать свою отвагу и искусство, между боевыми подразделениями разворачивались настоящие соревнования. Бой отождествлялся со «святостью», «таинством». При этом имело место проявления суеверий, нашедших отражения в особых ритуалах, полковых преданиях, передававшихся из уст в уста.

Сформировавшиеся в ходе войны модели поведения были столь нетипичными, что офицеры Кавказского корпуса стремились приблизить их к существовавшим представлениям о традиционных войнах, что нашло отражение, в частности, в искажении документации.

В процессе исследования были выявлены наиболее типичные стереотипы поведения офицеров Кавказского корпуса, сложившиеся в ходе и под влиянием Кавказской войны.

В третьем параграфе «Основные категории и направленность эволюции образа противника» анализируется характер восприятия офицерами противника, как многогранная, противоречивая совокупность различных стереотипов, формирующихся как посредством официальной пропаганды, общественным мнением, исторической памятью, так и личным опытом.

В целом «образ противника» обуславливался характером войны, исходя из ряда критериев (культурно-цивилизационные, морально-нравственные, религиозные различия). В представлении российских офицеров горцы воспринимались в качестве «варваров», «азиатцев», «нуждающихся» в цивилизаторских усилиях более культурных народов. В сознании офицеров закреплялась мысль, что все горцы, включая мирных – коварные «разбойники», обуреваемые страстью к набегам, грабежам и убийствам. При этом положительные качества приобретали субъективно-негативный смысл.

Религиозная мотивация в формировании «образа противника» для большинства офицеров не имела детерминирующего значения. Этому способствовала толерантная религиозная политика российского государства и кавказских командующих, а также то, что горцы не воспринимались как ортодоксальные мусульмане.

В ходе исследования было выявлено, что по мере усиления контактов с горцами происходила коррекция ранее сложившихся стереотипов, у офицеров возникало уважение, нередко приводившее к установлению дружеских отношений. В результате сформировались такие уникальные явления в российской военной истории, как «сроднение» с противником и массовое заимствование традиций и обычаев горского общества.

Специфической особенностью «образа противника» у российских офицеров на Кавказе являлось существование романтизированного восприятия

горцев. Наибольшее распространение оно получило в 20-30-е гг. XIX в. среди молодых офицеров, носителей либеральных идей, в первую очередь декабристов. Самобытная культура горцев, их свободолюбие противопоставлялись авторитарному режиму самодержавия и крепостнической системе Российского государства.

Офицеры достаточно высоко оценивали боевые качества горцев, их мужество, отвагу, умелое использование природно-ландшафтных особенностей местности, способность противостоять многократно превосходящему и технически оснащенному противнику, отсутствие страха умереть в бою, традиции прославления погибших воинов.

Проведенный анализ выявил противоречивый характер «образа противника» сформированный у российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, противника – представителей независимых северокавказских народов. Основные категории корректировались по мере усиления непосредственных контактов.

Третья глава «Повседневная жизнь российских офицеров: адаптация к экстремальным условиям войны на Кавказе» посвящена анализу внеслужебной сферы деятельности офицеров, выявлению тех особенностей ментальности, которые возникли в результате участия в Кавказской войне и отразились на мирной жизни.

В первом параграфе «Бытовые условия жизнедеятельности» исследуется история повседневного существования, имеющая важное значение для воссоздания влияющих на ментальность бытовых условий. Ф. Бродель, изучая структуры ментальности, отмечал, что малозаметные, считающиеся обыденными, бытовые элементы оказывают огромное влияние на характер жизнедеятельности людей, формируют их мировоззренческие установки и модели поведения³⁰.

В данном разделе диссертационной работы выделяются основные аспекты повседневья, в наибольшей степени характеризующие сложную систему существования офицерства, ассоциирующиеся с военной службой: это жилищные условия, одежда (обмундирование), вооружение, питание, материальное (финансовое) благосостояние, специфика медицинского обслуживания.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на принадлежность к армейской системе, стремящейся к унификации, офицерский корпус на Кавказе находился

³⁰ Бродель Ф. Указ. соч. С. 37-40.

в весьма своеобразных бытовых условиях, что было вызвано особенностями региона и индивидуальными возможностями офицеров.

Особый характер жизни офицеров Кавказского корпуса обуславливался продолжительным пребыванием в походных условиях. Основным местом проживания в это время становились палатки, шалаши или землянки, нередко офицеры укладывались спать на земле, завернувшись в бурку «вместо постели и одеяла». В условиях экспедиции ограничивался ассортимент снаряжения, уменьшался рацион питания, остро вставал вопрос о медицинской помощи. В целом тяжелые бытовые условия являлись одной из причин сурового характера «кавказцев». Уравнивая возможности различных категорий офицеров, они способствовали сплочению разнородных элементов Кавказского корпуса в «боевое братство».

В материальных аспектах отчетливо проявлялась трансформация ценностных ориентиров: демонстрация роскоши как проявление высокого социального положения, богатства и вообще тщеславия становилось «неприличными»; идеализировались простота и аскетизм «спартанских условий»; усиливался прагматизм офицеров. Данные обстоятельства способствовали массовым заимствованиям горского быта, в первую очередь одежды, оружия. Заимствованные элементы горского быта отличались удобством, простотой, универсальностью, превосходной приспособленностью к местным природно-климатическим и боевым условиям, а также своеобразной красотой. При этом одни и те же заимствованные элементы наравне использовались всеми категориями офицеров. Преодолевая значительное сопротивление высшего командования, «самовольные» нововведения офицеров постепенно закреплялись на законодательном уровне. Наиболее ярко изменения в сознании проявлялись в отношении военной формы, обладавшей тремя основными функциями: защитной, знаковой и эстетической.

Важное место в повседневном быте занимала система питания. Для пропитания офицерам, вместе с жалованьем выдавались добавочные суммы – «столовые» деньги. Офицерской традицией были общие трапезы: полковой командир обыкновенно утром и вечером «держал у себя стол» для всех «своих» и приезжих офицеров. Во время экспедиций офицерам выдавался солдатский паек, иногда в двойном размере. Бывалые военные, зная о лишениях в походе, шли на различные выдумки: имели патроны с хлебными крошками или уже готовые концентрированные плитки сухого бульона.

Существовавшая костная военно-государственная система снабжения войск приводила к изменению морально-нравственных оценок преступлений в

материальной сфере. Наибольшее осуждение заслуживали имущественные злоупотребления, подрывавшие сложившиеся принципы «боевого братства».

Бытовые условия оказывали существенное влияние на такие категории ментальности как эмоциональное восприятие реальности, чувство значимости, иерархию ценностей, физиологическое и психологическое состояние, адаптивные функции.

Во втором параграфе «Формы досуга: характер, нравы, эмоции» исследуются нематериальные элементы внеслужебного повседневья. Важную часть повседневной жизни офицеров составлял досуг, включавший в себя различные формы времяпрепровождения (общественные, семейные и индивидуальные). Досуг офицеров определялся такими факторами как общий уровень культуры, профессиональные особенности, влияние специфических условий Кавказа.

Для основной массы офицеров дворянского происхождения было характерно участие в таких светских торжествах как балы, театры, маскарады, концерты симфонических оркестров, широкое распространение получили азартные игры (карты, бильярд, лото). Карточная игра досуга оказывала влияние на сознание офицеров, о чем свидетельствует контент-анализ не редактируемых дневников. Однако азартные игры приводили к множеству бед: на кон ставилось казенное имущество, распространенным явлениями были ссоры, дуэли и драки.

Развлечения офицеров «неблагородного» происхождения, были бесхитростны и часто связаны с народными празднествами, а также традиционными играми. Специфический характер имели развлечения офицеров казачьих подразделений. Военизированный уклад их жизни проявлялся в широком ассортименте «боевых игр». При этом важно отметить, что в досуговой жизнедеятельности офицеров проявлялось влияние «боевого братства».

Несмотря на суровые условия войны, многие офицеры уделяли немало времени как индивидуальному, так и коллективному чтению художественной, научно-популярной литературы, периодических журналов, военно-уставных и учебных материалов, особой популярностью пользовались издания, содержащие сведения о Кавказе.

Атмосфера Кавказа (живописная природа, размытая грань между жизнью и смертью) обостряли чувства и творческие способности офицеров, проявлявшиеся в поэзии, этнографических описаниях. Многие имели при себе походные альбомы и в свободную минуту делали зарисовки живописной природы, военного быта и досуга, изображали эпизоды из жизни горцев.

Уникальной спецификой досуга офицеров на Кавказе являлись традиции, заимствованные у местного населения. Самым ярким явлением стало куначество, принимавшее вид коллективного братания между подразделениями Кавказского корпуса. Зародившись в совместных боях, куначество становилось нерушимым правилом, проявлявшемся в различных аспектах повседневной жизни.

В религиозной сфере офицеров сложно назвать ортодоксальными верующими. Однако они посещали церкви; в казармах, землянках и даже в палатках имелись уголки-алтари с церковными образами; во время крупных экспедиций обязательно оборудовалась походная церковь; до и после боевых операций совершались соответствующие религиозным канонам обряды.

Война деформировала сознание офицеров: проявлялись формы досуга, считавшиеся девиантными для гражданского населения. Жестокость реальности отображалась в частых проявлениях депрессивных состояний, нередко приводивших к психологическим расстройствам, «расстройству ума», апатии, случаям самоубийства.

Противоречивый характер имели нравы и эмоциональная культура. Суровый ожесточенный нрав соседствовал с обостренным чувством юмора, самопожертвование с эгоистичным равнодушием к страданиям окружающих. Готовые постоянно умереть офицеры отличались бесшабашным нравом, жили одним днем, мало заботясь о будущем.

Анализ досуговой жизнедеятельности офицеров выявил деформацию сознания, как отражения механизма адаптации к экстремальным факторам перманентной войны, а также существование диаметрально противоположных проявлений, в общем способствовавших сплочению боевого товарищества.

В заключении подводятся итоги проделанной работы и формулируются основные выводы.

Основные положения выносимые на защиту:

1. Современное состояние исторического знания о Кавказской войне отражает сложившийся опыт изучения традиционных проблем: геополитических, военно-стратегических, социально-экономических. При этом, явно недостаточно внимания уделяется «человеку войны», вопросу соотношения индивидуальности и исторической реальности, в которой жили и действовали люди. Обращение к проблеме ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, способно внести новые характеристики в ее историю: через оценку их деятельности, мнений, убеждений возможно расширить существующие представления о таком сложном, многоплановом событии как война на Кавказе.

2. Изучение ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, позволяет сделать более адекватной источниковую базу исследуемой проблемы за счет источников личного происхождения; установить взаимосвязь социальной среды и историко-культурных процессов; системно изучить мировоззренческие установки, ценностные ориентиры, модели поведения офицеров.

3. Российские офицеры не могут рассматриваться как однородная социальная группа, так как они представляли собой сложный конгломерат, объединенный служебной деятельностью, состоящий из представителей различных военно-профессиональных, сословно-социальных, национальных групп, с различными морально-политическими и религиозными воззрениями.

4. Положенная в основу исследования концептуальная идея о влиянии среды на формирование ментальности создает основу утверждать, что в ходе участия в Кавказской войне происходила модификация ментальных характеристик офицеров, как способа адаптации к экстремальным условиям войны.

5. Концептуальный подход к изучению российского офицерства как особой военно-профессиональной группы, имеющей специфическую внутреннюю структуру и характеристические особенности предопределил необходимость выделения структуры двух уровней. Первый, включающий базовую составляющую, представляет совокупность ментальных установок, свойственных российским офицерам, как особой социальной группы. Второй отражает черты, сформированные в ходе участия в Кавказской войне. Именно их взаимопроникновение обусловило уникальность ментальности соответствующей категории офицеров-«кавказцев».

6. Ментальность российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне, рассмотрена на основе эволюционного подхода, предполагающего выделение на различных этапах войны характерных черт: сохранение традиционных представлений о войне как профессиональной деятельности, адаптация к специфическим условиям военного противоборства на Кавказе, стабилизация основных категорий «кавказской» ментальности.

7. Характер Кавказской войны способствовал формированию комплекса особых ментальных характеристик: социальной идентификации, военно-тактическому мышлению, восприятию боевой обстановки, отношению к противнику, особенностям бытового обустройства, повседневной жизнедеятельности, форм досуга.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в реферируемых изданиях ВАК:

1. Дубровин, А.В. Самоидентификация российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне (XIX в.) / А.В. Дубровин // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Майкоп: изд-во АГУ, 2011. – Вып. 1(74). – С. 44-50. (0,37 п.л.).

2. Дубровин, А.В. Российские офицеры, участвовавшие в Кавказской войне XIX в.: образ врага / А.В. Дубровин // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – Майкоп: изд-во АГУ, 2011. – Вып. 3(85). – С. 150-157. (0,5 п.л.).

3. Дубровин, А.В. История Кавказской войне XIX в.: источники личного происхождения / А.В. Дубровин // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – Майкоп: изд-во АГУ, 2012. – Вып. 4 (108). – С. 48-52. (0,31 п.л.).

Другие публикации:

4. Дубровин, А.В. Н.Н. Раевский (младший): образ офицера-либерала времен Кавказской войны / А.В. Дубровин // Диалоги с прошлым: Исторический журнал / Отв. ред. Э.А. Шеуджен. – Майкоп: изд-во АГУ, 2010. – №6. – С. 71-75. (0,31 п.л.).

5. Дубровин, А.В. Офицеры Отдельного Кавказского корпуса в первой половине XIX в.: национальный фактор / А.В. Дубровин // Перспектива – 2010: Материалы Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – Т.І. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010. – С. 131-134. (0,25 п.л.).

6. Дубровин, А.В. Российские офицеры на Кавказе в первой половине XIX в.: специфика восприятия трудностей войны / А.В. Дубровин // Перспектива – 2011: Материалы Международной научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. – Т.І. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2011. – С. 34-37. (0,25 п.л.).

7. Дубровин, А.В. Роль армии в экономическом развитии и освоении приграничной зоны России на Северном Кавказе в XVIII – первой половине XIX вв. / А.В. Дубровин // Исторические и социально-экономические проблемы Юга России: материалы VIII региональной научно-практической конференции /

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). – Ростов н/Д, 2011. – С. 34-37. (0,25 п.л.).

8. Дубровин, А.В. Куначество и гостеприимство у российских военных, участвовавших в Кавказской войне XIX в. / А.В. Дубровин // Наука. Образование. Молодежь: материалы VIII Международной региональной научной конференции молодых ученых (10-11 февраля 2011 года). – Майкоп: изд-во АГУ, 2011. – Т. II. – С. 20-24. (0,31 п.л.).

9. Дубровин, А.В. Выступление [Источники личного происхождения как основа реконструкции исторической реальности и ментальности] / А.В.Дубровин // Письменные источники: маркеры памяти исторического прошлого народов: Материалы научно-практического семинара учителей истории Республики Адыгея, 25 марта 2011 г. / Ред. Э.А.Шеуджен. – Майкоп: изд-во АГУ, 2011. – С. 29-33. (0,31 п.л.).

10. Дубровин, А.В. Кавказская война XIX века: полковые истории / А.В.Дубровин // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. – Майкоп: изд-во АГУ, 2011. – Вып. 8. – С. 73-78. (0,38 п.л.).

11. Дубровин, А.В. Специфика восприятия преступлений и наказаний российскими офицерами, участвовавшими в Кавказской войне XIX в. / А.В.Дубровин // Социально-гуманитарный вестник: Всероссийский сборник научных трудов. – Вып. 11. – Краснодар: изд-во Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2011. С. 18-22. (0,31 п.л.).

12. Дубровин, А.В. А.М. Дондуков-Корсаков как достойный представитель офицеров-аристократов, участвовавших в Кавказской войне XIX в. / А.В.Дубровин // Материалы IX Международной региональной научной конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь» (9-10 февраля 2012 года). – Майкоп: изд-во АГУ, 2012. – Т. II. – С. 15-19. (0,31 п.л.).

13. Дубровин, А.В. Характеристика офицеров-«старых кавказцев» через призму личности В.А. Геймана / А.В. Дубровин // Диалоги с прошлым: Исторический журнал / Отв. ред. Р.А. Тлепцок. – Майкоп: изд-во АГУ, 2012. – №7. – С. 102-106. (0,31 п.л.).

14. Дубровин, А.В. Проблема исследования ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне XIX в. / А.В. Дубровин // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. – Вып. 2 (26). – Краснодар: изд-во ИП Солодовникова А.Н., 2013. – С. 180-186. (0,44 п.л.).

Дубровин Алексей Владимирович

**КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ИЗМЕНЕНИЕ МЕНТАЛЬНОСТИ
РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРОВ
(60-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.)**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Подписано в печать 18.04.2013. Бумага типографская № 1. Формат бумаги 60х84/16. Гарнитура Times New Roman. Тираж 100 экз. Заказ 026.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии Адыгейского государственного университета: 385000, г.Майкоп, ул.Первомайская, 208.

